

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ И ЮЖНЫЙ КАВКАЗ: СТРУКТУРНАЯ ВЗАИМОСВЯЗАННОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ОТНОШЕНИЙ

Ваагн Аглян

Параметры современной российской политики в отношении закавказского региона формируются в рамках трех взаимосвязанных измерений. Во-первых, нынешний курс Москвы в отношении стран Южного Кавказа и процессов, развивающихся в этом стратегически важном регионе, в определенной степени обусловлен реалиями, которые сложились здесь на начальном этапе постсоветской трансформации. В этом отношении произошедшие при администрации В.Путина изменения в российской стратегии на Южном Кавказе трудно рассматривать в отрыве от результатов российской политики 1990-ых гг. Во-вторых, в контексте убыстряющегося вовлечения стран Южного Кавказа в международно-политические и экономические процессы в мире, а также расширения предметного присутствия внерегиональных силовых центров в этой части постсоветского пространства, российскому руководству все в большей степени приходится оперативно учитывать международную и общерегиональную конъюнктуру интересов в формулировании и реализации собственных целей. В-третьих, внутривнутриполитическая и экономическая консолидация в самой России существенным образом повлияла на переоценку прежних приоритетов региональной политики РФ. В частности, экономической рост и укрепление властной вертикали значительно расширили внешнеполитическую базу страны, при этом не утерев из виду также преемственность стратегических интересов РФ.

Базовые векторы российской политики в отношении Закавказья в 1990-ые гг.

С исчезновением биполярной системы международных отношений и краха коммунистической идеологии российская внешняя политика вступила в новый этап поиска собственной идентичности. Провозглашенный в самом начале 1990-ых гг. тезис о вторичном характере военных угроз безопасности страны достаточно быстро девальвировался, в то время как идея создания «пояса добрососедства» по периметру границ России, без каких-либо серьез-

ных усилий со стороны последней, показала свою явную неадекватность новым реалиям. Дезинтеграция некогда единого оборонного и социально-экономического пространства, которая сопровождалась усиливающимися разногласиями и ожесточенными конфликтами, поставила Россию перед серьезным вызовом – необходимость оперативного реагирования и выработки более или менее последовательной политики в отношении процессов протекающих на постсоветском пространстве.

Несмотря на серьезные внутривнутриполитические разногласия и разгорающуюся межвластную борьбу, на рубеже 1992-1993 гг. в Москве все же удалось достичь относительно устойчивого («центристского») консенсуса касательно базовых интересов РФ на пространстве бывшего Советского Союза. Ряд новых концептуальных установок российской политики в отношении со странами СНГ, принятых на официальном уровне в начале 1993г., отличался довольно жесткими формулировками. В отличие от кратковременной либерально-ориентированной внешнеполитической «парадигмы» (1991-1992 гг.), именно эти стратегические подходы вскоре были возведены в ранг доктринальной политики РФ [1].

Во-первых, стало общепризнанным, что основные угрозы безопасности России исходят из нестабильных регионов бывшего СССР. Соответственно, в сложившихся условиях создание «пояса добрососедства» и предотвращение формирования враждебно настроенных к России государств стало рассматриваться как минимальная, хотя и жизненно важная цель.

Во-вторых, официально был выдвинут тезис об *особой ответственности* РФ на всем постсоветском пространстве, суть которого сводилась к императивности военно-политического, оборонного, экономического и информационного доминирования России в рамках СНГ. Обеспечение стабильности и мира в субрегионах СНГ было провозглашено базовой задачей России.

Исходя из соображений геополитической приоритетности и новых оборонных нужд, было принято решение об ускоренной реинтеграции бывших республик Союза в единое оборонное пространство в рамках Договора о коллективной безопасности СНГ (15 мая, 1992г.). При этом главным инициатором создания оборонного союза ДКБ СНГ выступило Министерство обороны РФ, сыгравшее ключевую роль в формировании новых приоритетов внешней политики в стратегическом окружении РФ. В целом, на вооружение был принят *комплексный подход*, направленный на вовлечение всех бывших республик Союза в рамки ДКБ СНГ (за исключением прибалтийских стран). Последнее рассматривалось как важная предпосылка в деле институционального закрепления долговременного российского влияния на постсо-

ветском пространстве. Вместе с тем, функциональную основу обеспечения российского влияния были призваны осуществить двусторонние военно-политические договора России и стран-участниц СНГ, целый ряд которых был подписан еще в 1992г. На политическом уровне обеспечение за Россией *преимущественного/исключительного* права «регулировать» межгосударственные отношения в СНГ перекликалось с не менее важным аспектом принятых на вооружение новых подходов: сохранения сложившегося на постсоветском пространстве *status quo* и блокирования попыток «третьих сил» утвердиться в зоне особых интересов РФ.

Следует отметить, что поставленная задача по восстановлению определяющей геополитической роли РФ в границах СНГ, с очевидным преобладанием военно-политических факторов (методов) воздействия, отличалась достаточно жесткой, «недифференцированной» схемой реализации. «Всеобъемлющий» характер поставленных задач в обобщенном виде был отражен в указе Б.Ельцина (1995г.) о стратегическом курсе России в отношении стран-участниц СНГ. В документе, в частности, говорилось о ведущей роли России в создании новых надгосударственных политических и экономических отношений в рамках Содружества. В этом аспекте интересно мнение российского исследователя Ю.Шишкова: «Важно найти способ сохранить прежнюю оборонительную инфраструктуру. В принципе, существуют только две возможности: заключить военный союз с остальными странами СНГ и/или попытаться включить их в единое с Россией экономическое пространство, чтобы по примеру Европейского союза сделать совместную безопасность и оборону само собой разумеющимися решениями. С самого начала были использованы оба способа» [2].

В приложении к Закавказью, где стратегические цели России принципиальным образом определялись новыми приоритетами МО РФ, к действию были приняты несколько «рабочих принципов», отвечавших на тот момент коренным интересам России в регионе. Принимая во внимание факт тесной взаимосвязанности ситуации в сфере безопасности в федеральных регионах Северного Кавказа и Закавказья, Москва сконцентрировала значительные политико-дипломатические и ограниченно-силовые усилия для предотвращения *реальной* интернационализации вооруженных конфликтов. Были предприняты конкретные действия (как на международной арене, так и в «региональном формате») для консолидации исключительной роли РФ в урегулировании конфликтов и пресечения возможной дестабилизации всего региона. Характерно, что именно с этого периода «конфликтная политика» стала рассматриваться как универсальное средство влияния на широкий спектр проб-

лемных узлов взаимоотношений России с республиками Южного Кавказа.

Фактически, именно благодаря действиям России практически одновременно (май 1994г.) удалось достичь перемирия (с сопутствующими соглашениями о прекращении огня, подписанными под непосредственным патронажем Москвы) в зонах нагорно-карабахского и грузино-абхазского конфликтов. Вдоль разделительной линии грузино-абхазского противостояния под эгидой СНГ были введены (1994г.) российские миротворческие контингенты [3]. В это же время, на договорной основе было формализовано российское военное присутствие в Закавказье. В соответствии с концепцией передового военного базирования, весной 1995г. с Арменией и Грузией были подписаны соответствующие соглашения о российской военной базе. Были определены статус и функциональная ответственность четырех российских баз в Грузии и двух в Армении, которые, в составе Группы российских войск в Закавказье (ГРВЗ, местонахождение штаба – Тбилиси), были подчинены командованию Северо-Кавказского военного округа (СКВО). В том же контексте был решен вопрос о совместной охране внешних границ Армении и Грузии – стран-участниц ДКБ СНГ – с Турцией и Ираном.

***

По существу, в первой половине 1990-ых гг. Россия сыграла ключевую роль в установлении нового регионального *status quo* в Закавказье. Уже к середине 1990-ых основные параметры российской стратегии безопасности в Закавказье приняли более конкретные очертания. Фактическую основу стратегического присутствия РФ в Закавказье составила базовая *триада* – миротворчество, военные базы в Армении и Грузии, охрана внешних границ СНГ [4]. Используя неную схему утверждения своего геостратегического влияния в результате произошедших в Закавказье кардинальных сдвигов (от вооруженных конфликтов к ситуации «ни мира, ни войны»), была сделана попытка институционального закрепления РФ как *системного фактора* в южнокавказском раскладе сил, при условии сохранения за Москвой «контрольного пакета» в определении стратегических приоритетов регионального развития. Непременное вовлечение Грузии и Азербайджана в ДКБ СНГ (1993г.) – российскоцентричную систему безопасности – свидетельствовали о принятии именно данного внешнеполитического концепта.

Вместе с тем характерно, что при решении вопросов, связанных с новой статусной ролью РФ на юге СНГ, в подходах Москвы превалировали статичные, довольно негибкие модусы державной внешней политики, с явным

преобладанием военно-политических инструментов влияния¹. В условиях фактического отсутствия политико-идеологической платформы развития отношений со странами региона (кроме как постулирования важности интеграционного развития) стратегическое влияние РФ, по сути, было взаимоувязано с укреплением и институционализацией «гегемонистической стабильности» под контролем Москвы. В рамках подобной жесткой схемы ставка была сделана на стабилизацию и консервацию пришедших к власти политических сил в южнокавказских государствах, при одновременном поддержании общерегиональной стабильности под контролем Москвы. В итоге, как показали дальнейшие развития, Россия столкнулась с задачей «перманентного репрофилирования» лояльности политических режимов закавказских стран в отношении Москвы, поскольку «так и не сформировала в них те рычаги политического воздействия, механизмы формирования дружественных политических элит, которые с успехом используют США и Европа» [5].

Как это ни парадоксально, но установление временной «стратегической паузы» [6] в отношениях России и Запада (США) касательно перспектив постсоветского пространства, совпавшее по времени со вторым президентскими сроками администраций Б.Ельцина и Б.Клинтона, создавало неплохие шансы для американо-российского сотрудничества в регионе. Несмотря на противоречивые аспекты российской политики в Закавказье и усиливающуюся критику в адрес Москвы, в целом к середине 1990-ых на Западе укрепилось мнение о том, что Россия является державой, без которой невозможно обойтись в построении каких-либо серьезных проектов на Южном Кавказе. Так, уже в октябре 1995г. было достигнуто компромиссное российско-американское соглашение о транзите каспийской нефти двумя альтернативными путями, один из которых должен был быть проложен через территорию РФ. В это же время, в рамках так называемого «соглашения Гор-Черномырдин», стороны попытались урегулировать существующие противоречия, касающиеся российско-иранского сотрудничества в ядерной энергетике.

Однако вторая половина 1990-ых гг. прошла под знаком явных неудач и упущенных шансов. В частности, к концу 1990-ых обнаружились серьезные проблемы, последствия которых не могли не сказаться на реальных позициях Москвы на пространстве бывшего Союза: бесславное завершение первой чеченской кампании, экономическая стагнация, внутривосточная нестабильность, финансовый кризис 1998г. во многом подточили совокуп-

¹ Примечательно, что, планируя перегруппировку зарубежного военного присутствия, МО РФ исходило из традиционного подхода о развертывании ВС на главных направлениях, с задачей парирования преимущественно военно-стратегических угроз безопасности.

ный российский ресурс влияния на постсоветском пространстве. Более того, параллельно с предметным внедрением западных технологий и активным политическим лоббированием стратегически важных коммуникационных проектов (обходящих Россию стороной), обнаружился последовательный прозападный дрейф целого ряда государств СНГ. Как показывают некоторые специалисты, уже в 1998г. «вестернизация» вопросов безопасности, а также вопросов добычи нефти на Каспии в большей степени опиралась на соображения стратегического порядка, нежели экономического [7].

В складывающихся условиях, признавая ограниченность собственных ресурсов, Москва выдвинула идею о «разноскоростной интеграции» в рамках СНГ. Ставка была сделана на интеграцию с теми государствами, которые в наибольшей степени желали и были готовы к такому развитию. Учитывая совпадение стратегических интересов обеих стран, в южнокавказском регионе наиболее продвинутые отношения установились с Арменией. В августе 1997г. президентами был подписан основополагающий армяно-российский Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. Значительно расширилось и ускорилось также двустороннее военно-техническое сотрудничество, предметными результатами которого стали ежегодные военные учения на территории Армении и усовершенствование объединенной системы ПВО. В том же году на президентском уровне в Москве был подписан российско-азербайджанский Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной безопасности. До того, летом 1996г., в Кисловодске президентами южнокавказских стран и России было принято совместное коммюнике, где была предпринята попытка выработать общерегиональную концепцию сотрудничества. Тем не менее, к концу 1990-ых гг. стало очевидно, что России не удалось конвертировать свою роль гаранта безопасности и стабильности в организованное доминирование на постсоветском пространстве [8]. В этом отношении знаковым событием стало решение Грузии и Азербайджана не продлевать свое участие в ДКБ СНГ (1999г.).

Новые тенденции в региональной политике РФ при администрации В.Путина

С приходом к власти администрации президента В.Путина в 2000г. в российской политике на постсоветском пространстве произошли существенные сдвиги, напрямую затронувшие взаимоотношения РФ и республик Южного Кавказа. Уже в начале 2000г. был опубликован документ под названием «Основные направления развития отношений России с государствами-участниками СНГ на современном этапе», где, как и в прежние времена, подтверж-

далось, что долгосрочные интересы России и стран Содружества тесно взаимосвязаны, а сохранение российского присутствия во всех измерениях регионального развития стратегически важно [9]. Особый акцент делался на экономической и энергетической составляющей интеграции в границах СНГ. Как показывает опыт последних лет, на вооружение принят неоперациональный подход, содержание которого заключается в адекватной взаимодополняющей корреляции внешнеполитических и экономических интересов государства за рубежом.

В ельцинский период существовали определенные противоречия между задачами геополитического характера («поддерживание геостратегического баланса на всех фронтах») и необходимостью достижения долгосрочного и быстрого экономического роста. При администрации В.Путина произошла трансформация в мотивах, методах и результатах российской стратегии в отношении стран СНГ. Центральным элементом-лейтмотивом пересмотренной внешнеполитической повестки стала активная экономическая экспансия в сопредельные страны, имеющая, по мнению западных специалистов, политико-стратегическую направленность – добиться обеспечения традиционных целей современными средствами [10]. Если в 1990-ых гг. некое балансирование между экономическим и геостратегическим направлениями внешней политики было очевидным явлением, то при новой администрации взаимосопряжение социально-экономических целей и геополитических интересов существенно усилилось. В результате внешнеполитическая линия государства приобрела значительно более гомогенный и целостный характер.

В военно-стратегической сфере приверженность РФ поддержанию стратегического баланса на ключевых направлениях была подтверждена в принятой (в 2000г.) Военной доктрине: «В целях формирования и поддержания стабильности, обеспечения адекватного реагирования на возникновение внешних угроз на ранних стадиях ограниченные контингенты Вооруженных Сил Российской Федерации и других войск могут размещаться в стратегически важных регионах за пределами территории Российской Федерации в составе объединенных или национальных группировок и отдельных баз (объектов)» [11]. Однако в свете изменяющегося контекста международного взаимодействия на постсоветском пространстве и признания того факта, что «история в этой части света начинает ускоряться»¹, определенные изменения произошли и в сфере военного планирования. В этой связи необходимо заме-

¹ Данное высказывание принадлежит Дэниэлу Фриду, помощнику госсекретаря США по вопросам Европы и Евразии, <http://www.regnum.ru/news/533158.html>.

тить, что как в военном, так и в политическом руководстве России с 2000г. стали превалировать новые подходы, отраженные, например, в решении о реформировании иностранного военного базирования РФ. Одним из свидетельств трансформации прежде приоритетных направлений и аспектов обеспечения военно-политической безопасности стало также решение о формировании Коллективных сил быстрого реагирования (КСБР) Организации Договора о Коллективной Безопасности (ОДКБ), активизация различных форм военно-технического сотрудничества в антитеррористической борьбе. Главным мотивом частичного пересмотра традиционных методов и механизмов обеспечения военной безопасности стала фактическая неадекватность прямолинейных ответных мер в отношении современных угроз безопасности. В этом контексте одобренные еще в 1990-ые гг. Генеральным штабом РФ традиционные решения о наращивании/концентрации крупных сухопутных сил на стратегических направлениях начали постепенно видоизменяться и трансформироваться [12]. Основное внимание акцентировано на повышение мобильности вооруженных сил, их оснащение высокотехнологичным оружием и техникой и совершенствование оперативной совместимости различных родов и видов войск. Особое внимание было уделено военно-воздушному компоненту сил быстрого реагирования. Вместе с тем, 11 октября 2003г. был принят документ под названием «Актуальные задачи развития вооруженных сил РФ», где ясно подтверждалась готовность России к превентивным военным действиям за пределами страны [13].

Произошедшие изменения в подходах РФ к решению насущных задач на региональном уровне в приложении к южнокавказскому региону выразились в выработке фактического нового российского *modus operandi*. Во-первых, проблемы обеспечения безопасности приобрели существенно более широкий и всеобъемлющий характер. Борьба с терроризмом стала главной платформой для расширения и интенсификации межгосударственного и двустороннего сотрудничества со странами СНГ, включив в повестку также отдельные составляющие военно-технического сотрудничества. Примечательно, что заметно возросло также влияние бывших и действующих представителей спецслужб на формирование российской политики, что «способствовало более сфокусированному и целенаправленному отстаиванию интересов РФ».

Одновременно, осознавая бесперспективность жесткой конфронтационной модели взаимодействия с западными странами в Закавказье, было принято решение перейти к более гибким методам отстаивания собственных интересов. Еще в апреле 2000г., при обсуждении стратегических приоритетов в каспийском регионе в Совете безопасности РФ, президент В.Путин под-

черкнул принципиальную важность ресурсной мобилизации в деле защиты общегосударственных и корпоративных интересов. В условиях неуклонного роста влияния западных стран, в первую очередь США, в Каспийском регионе после событий 11 сентября, в российской политике наметился явный отход от статичных, направленных на сохранение устоявшегося регионального порядка подходов к проактивному курсу вовлечения южнокавказских государств в российскую орбиту интересов.

В русле обозначенных президентской администрацией новых долгосрочных приоритетов, с 2002/2003 гг. наблюдается скачкообразная активизация российского капитала в Закавказье и в целом на пространстве СНГ. Характерно, что тенденция широкомасштабного внедрения крупного капитала в Армению и Грузию имеет явное государственное «измерение». Обращает внимание стратегическая направленность экономической и энергетической экспансии – приобретение Россией ключевых ресурсоемких *объектов инфраструктуры и промышленности*. Очевидно, что в контексте динамично развивающейся ситуации на международной арене и убыстрения темпов вовлечения региона в мирохозяйственные отношения долгосрочной целью данной политики является усиление структурной взаимосвязанности и зависимости стран региона от России и, соответственно, расширение возможностей влияния Москвы на политическую составляющую этих отношений. Практическим итогом активной деятельности РФ на экономическом поприще закавказских стран стало приобретение Россией довольно внушительных активов в Армении и Грузии. За период 2002-2004 гг. под контроль крупнейших российских ТНК фактически перешла энергетическая система Армении (РАО «ЕЭС России» владеет всей электросетью Армении, блоками Разданской ГРЭС и осуществляет контроль над финансовыми потоками Армянской АЭС [14]). Российскому «Газпрому» принадлежит контрольный пакет газораспределительной сети Армении. Не менее активны и другие российские корпорации и банки. Так, «Русал» приобрел крупнейшее в регионе предприятие по производству алюминия, «Арменал», «Внешторгбанк» – блокирующий пакет армянского «Сбербанка», «Сибирские Авиалинии» – крупнейшего авиаперевозчика Армении, «Армянские авиалинии». Одно из крупнейших в Евразии предприятий химической промышленности «Наирит» тоже перешло в собственность российской финансово-промышленной группы.

Та же стратегия с 2002г. начала реализовываться и в отношении Грузии, где «Газпрому» и РАО ЕЭС удалось приобрести важные энергетические мощности [15]. Еще до смены власти в Грузии РАО «ЕЭС России» приобрела 75% акций тбилисской электрораспределительной компании «Тэласи», 100%

ООО «Мктвари» (2 блока ТбилГРЭС по 300 МВт каждый), 50% энергосбытовой компании ООО «Трансэнержи», имеющей квоты на поставку электроэнергии в Турцию, права на управление АО «Храмеси» до 2024г. (2 ГЭС с установленной мощностью по 200 МВт каждая). Все компании были выкуплены у американской AES еще летом 2003г. На данный момент РАО контролирует порядка одной пятой общей выработки электроэнергии Грузии [16].

В то же время Москва активизировала «резервные», однако эффективные транснациональные рычаги воздействия: политико-экономические и культурные связи на локальном уровне, активизировалась работа с представителями многочисленных южнокавказских диаспор России (учреждение Всеармянского конгресса в Москве, 2003г.), мониторинг частных финансовых трансфертов из России в эти республики. По мнению некоторых западных исследователей, стремление России «упорядочить» взаимосвязи в этой сфере преследует цель структурного закрепления российских интересов на местном уровне [13, р. 1]. В данном контексте неслучайно и создание указом президента РФ (23 февраля, 2005г.) отдельного управления по межрегиональным и культурным связям с иностранными государствами в составе президентской администрации.

Примечательно, что «упорядочивание» взаимоотношений с постсоветскими государствами напрямую соотносится с новой тенденцией по *институционализации межгосударственных отношений* (двусторонних и многосторонних), предполагающей более четкое и конкретное распределение ответственности и взятого на себя бремени. Данный подход во многом отражает стремление действующей администрации к прагматичности. Исходя из неореалистичного понимания складывающейся ситуации, были интенсифицированы и более детально регламентированы взаимоотношения в сфере совместной обороны и безопасности с рядом государств Содружества. В южнокавказском регионе это в первую очередь относится к Армении, двусторонние отношения с которой еще с 1990-ых гг. были возведены в ранг стратегического партнерства. Так, еще в марте 2000г. был подписан российско-армянский протокол, согласно которому Россия получила право на сохранение своего военного присутствия на территории РА на 25 лет. 27 сентября 2000г. министрами обороны двух стран было подписано 3 соглашения о сотрудничестве в военной сфере: о совместном планировании военных действий, о правилах, регулирующих военное присутствие РФ в РА, и взаимном предоставлении права на использование воздушного пространства для ВВС обеих стран [17]. 1 октября 2002г. министры обороны РА и РФ подписали межгосударственное соглашение о совместном использовании объектов

военной инфраструктуры и об обмене в информационной области [18]. До этого, в марте 1999г., Россия и Армения подписали «Правила совместных действий противовоздушной обороны РФ и РА». После завершения запланированных мероприятий, размещенные на территории Армении средства ПВО и воздушной разведки объединены в единую систему противовоздушной обороны, с центром в Москве. В апреле 2001г. военное и военно-техническое сотрудничество двух стран было интенсифицировано решением о создании объединенного контингента ВС [19]. Предполагается, что вскоре на территории Армении начнет действовать группировка коллективных сил быстрого реагирования (КСБР) ОДКБ (закавказское направление), которая будет насчитывать порядка 1500 военнослужащих [20].

С другой стороны, примат сохранения СНГ в «первозданном виде» утратил свое былое политическое значение. В майском обращении к Федеральному Собранию (2004г.) В.Путин прямо заявил, что приоритетом во внешнеэкономической политике являются пространство Содружества независимых государств и новые союзы, созданные внутри СНГ [21]. Упор на формирование специализированных интеграционных структур (ЕврАзЭС, ШОС, «четверка» (ЕЭП), Центральноазиатская организация по сотрудничеству) свидетельствует об отказе, по крайней мере, в среднесрочной перспективе, от развития многопрофильного гомогенного СНГ.

В октябре 2002г. на основе «старого» ДКБ была учреждена ОДКБ (РФ, Армения, Беларусь, Казахстан, Таджикистан, Киргизстан): организация, в официальном названии которой не упоминается об СНГ. Главнейшей отличительной чертой Устава новой организации является, по аналогии с 5-ой статьей Устава НАТО, пункт о том, что вооруженная агрессия против любого из шести членов Организации автоматически рассматривается как нападение на всех остальных. Причем принимаемые в рамках ОДКБ решения по международным вопросам обязательны для всех участников. В отличие от прежних положений ДКБ о «необходимости многосторонних консультаций по организации отпора агрессору», формализация взаимных гарантий безопасности направлена на повышение эффективности действующей региональной структуры безопасности. За последние годы был принят целый ряд различных документов по повышению эффективности деятельности ОДКБ, касающихся процедур принятия решений, совместного применения силы, оперативной совместности, обмена информацией, военно-технического сотрудничества и так далее [22].

Характерно, что на фоне происходящих в российской политике трансформаций, ключевая роль РФ в урегулировании южнокавказских конфлик-

тов, прежде считающаяся «базовой» в определении всего спектра региональных стратегических приоритетов, приобретает все более инструментальное «наклонение». Очевидно, что за последний период идет процесс фактического слияния исключительной роли РФ в деле разрешения закавказских конфликтов в более широкую повестку внешнеполитических интересов России. Изменения в тональности российской позиции отразились, например, в сбалансированном подходе В.Путина в отношении перспектив карабахского урегулирования: «конфликтующие стороны сами должны прийти к взаимоприемлемому компромиссу, а Россия готова поддержать их и стать гарантом достигнутых соглашений».

2005 год: стратегические переменные и перспективы развития отношений

В 2005г. вышеуказанные тенденции хотя и сохранили свое преобладающее значение, однако появились и новые акценты, влияющие как на качество двусторонних отношений РФ с республиками Южного Кавказа, так и на общерегиональные параметры международного сотрудничества в этой части постсоветского пространства.

Во-первых, тенденция эрозии постсоветского пространства как единого геополитического пространства еще больше усилилась, подтверждая тезис о том, что эффективность интеграционных процессов будет определяться функциональностью межгосударственных объединений. В июне 2005г. министр иностранных дел РФ С.Лавров высказал мнение о том, что термин «постсоветское пространство» не отражает существующие реалии. В том же русле высказался исполнительный секретарь ОДКБ Н.Бордюжа, предложивший исключить этот термин из всех официальных документов организации [23].

Во-вторых, значительно расширился контекст взаимодействия ведущих держав на Южном Кавказе. Активизация политики США во внутрорегиональных процессах в центральной Евразии и, в частности, метаморфозы американской стратегии в южных регионах СНГ внесли определенные изменения также в сферу американо-российских отношений на Южном Кавказе [24].

О возрастании роли факторов геостратегического порядка свидетельствует также целый ряд военных учений, организованных на территории России и СНГ [25]. К примеру, согласно глобальному сценарию прошедших в октябре 2005г. командно-штабных учений РВСН (Ракетные войска стратегического назначения) РФ, гипотетический противник наращивает подрывную и разведывательную деятельность на южных границах России – в постсоветских государствах. В результате резко актуализируется необходимость задей-

ствования российских мобильных комплексов («Тополь-М») в целях противодействия развертыванию общевойсковых соединений потенциального противника, поскольку последний «готовится не демонстрировать силу, а применять ее против России и ее союзников» [26].

В-третьих, Москва в лице С.Лаврова фактически признала существование законных интересов США на постсоветском пространстве, при этом, однако, указав на те сферы приложения американских интересов – контртерроризм и доступ к энергоресурсам региона – в отношении которых Россия не будет препятствовать особыми оговорками [27]. Куда большая озабоченность была выражена касательно роли США в серии произошедших цветных революций и смене политических режимов в ряде постсоветских государств (Украина, Грузия и Киргизия). Было подчеркнуто, что без участия России невозможно продвижение демократических процессов на пространстве бывшего Союза.

В данном контексте очевидно, что расширяющееся вовлечение Запада в процессы социально-политических трансформаций в СНГ таит серьезный вызов долгосрочным и масштабным планам России по *синхронизации* социально-экономического и политического развития постсоветских стран, с аналогичными процессами в бывшей метрополии. В этом отношении, озвученная в очередном (апрель 2005г.) президентском послании Федеральному Собранию цель «синхронизации темпов и параметров реформаторских процессов в России и государствах Содружества» [28] в плане практической реализации может столкнуться со значительными трудностями.

В-четвертых, на фоне обострения соперничества на региональной арене, произошла определенная кристаллизация проблемных узлов и потенциальных возможностей развития двусторонних отношений России с Грузией, Арменией и Азербайджаном. В частности, достижение окончательного решения о выводе российских военных баз с территории Грузии весьма актуализировало необходимость более конкретной «регламентации» взаимоотношений РФ с Арменией и Азербайджаном. Во время июньского саммита ОДКБ министр обороны РФ С.Иванов в частности заявил, что Россия предпринимает шаги по дальнейшему развитию военно-политической организации вне формата СНГ, имеющей «зону ответственности в прилегающих районах» [29]. По мнению западных аналитиков, принятая Россией стратегическая линия по укреплению институциональной иерархии ОДКБ нацелена на создание долгосрочного противовеса-альтернативы американским инициативам по стабилизации ситуации в Центральной Азии и Южном Кавказе. При этом администрация В.Путина, в отличие от принципиальных положе-

ний американской доктрины, вовсе не ставит амбициозных целей установления демократического порядка в странах региона [30]. Тем не менее, на данный момент налицо явное нежелание НАТО интенсифицировать сотрудничество с ОДКБ в предлагаемом Москвой формате. Находящийся с визитом в Ереване спецпредставитель НАТО на Южном Кавказе Р.Саймонс в октябре 2005г. прямо заявил, что Североатлантический альянс предпочитает развивать сотрудничество со странами-участницами ОДКБ на индивидуальной основе, а «не через посредничество РФ» [31].

Наконец в-пятых, в 2005г. начался процесс реконфигурации российского военного присутствия в Закавказье, связанный с известными соглашениями о выводе двух баз ГРВЗ из Грузии.

В 2005г. наиболее сложный и напряженный характер имели российско-грузинские отношения, что в первую очередь было связано с дальнейшей судьбой пребывания 62-ой (Ахалкалаки) и 12-ой (Батуми) российских военных баз в Грузии. Согласно стамбульскому Соглашению об Адаптации ДОВСЕ (Договор об обычных вооруженных силах в Европе, 1990г.) и принятому в рамках той же встречи совместному российско-грузинскому заявлению от 17 ноября 1999г. стороны договорились о сокращении военного присутствия РФ в Грузии до уровня дополнительного временного базирования (153 танка, 241 ББМ, 140 артиллерийских систем), с соблюдением права РФ на временное дислоцирование российских военных баз в Батуми и Ахалкалаки. Вместе с тем, было оговорено также, что стороны должны прийти к обоюдоприемлемому решению касательно временных рамок военного присутствия РФ в Грузии в контексте окончательного свертывания и вывода баз с территории республики [32]. С тех пор вопрос функционирования баз ГРВЗ на территории Грузии стал серьезным камнем преткновения в межгосударственных отношениях России и Грузии. Суть существующих по этому поводу разногласий кратко выразил экс-министр обороны Грузии Д.Тевзадзе: «К сожалению, существует маленькое недопонимание одной фразы текста Стамбульского заявления. Мы под функционированием на определенный срок понимаем процесс свертывания баз, а российские коллеги – функционирование» [33].

После грузинской «революции роз» в ноябре 2003г. и фактически полной смены внешнеполитического вектора Грузии в сторону Запада, проблема, связанная с дальнейшей деятельностью группы российских войск в Закавказье, приобрела еще большую остроту. Заявив об «анахроничности» дальнейшего пребывания российских войск в республике, новое грузинское руководство фактически увязало вопрос о выводе военных баз РФ с разрешением всего спектра проблем двусторонних отношений, включая перспективу

подписания нового рамочного российско-грузинского договора¹. При этом, под вопрос была поставлена ведущая роль РФ в урегулировании и миротворчестве в зонах грузино-абхазского и югоосетинского конфликтов. Реакция России была не менее жесткой: еще в октябре 2003г. Москва пригрозила Грузии проведением превентивной военной акции в Панкийском ущелье Грузии, откуда на российскую территорию проникали группы боевиков. Позже Россия на официальном уровне заявила о том, что военные базы могут быть выведены не раньше, чем через 11-13 лет после достижения соответствующего соглашения о порядке и сроках свертывания их деятельности. При этом, различными официальными и неофициальными российскими источниками были озвучены материальные затраты, необходимые для передислокации военной техники, военного персонала и имущества двух баз: от \$200 до 300 млн. Однако прошедшие за этот период встречи совместных рабочих групп не дали каких-то конкретных результатов: позиция Тбилиси осталась неизменной – не более 3 лет для полной ликвидации баз на территории Грузии. Заключение российско-грузинского соглашения от 25 января 2005г. о реструктуризации грузинского долга России (более \$94 млн) также не повлияло на непреклонность Грузии: в марте того же года грузинский парламент принял специальное постановление, в котором дальнейшее пребывание российских баз объявлялось незаконным [23, р. 29].

Вскоре, однако, появились первые признаки «консенсусного» решения проблемы. В начале марта генерал-полковник А.Мазуркевич озвучил позицию МО РФ о том, что «нужно, по крайней мере, 3-4 года» для полной передислокации баз. До того, 28 января 2005г., первый заместитель министра обороны РФ генерал-полковник А.Белоусов заявил, что на основе выведенных из Грузии баз будут сформированы горно-стрелковые бригады в Дагестане и Карачаево-Черкесии. После этих заявлений «компромиссное» соглашение было достигнуто неожиданно быстро. Уже 30 мая 2005г. в Москве была принята совместная российско-грузинская декларация о полном выводе ахалкалакской базы (вместе с военной техникой и персоналом) уже в 2007г., а годом позже – батумской базы [34]. Причем вывоз военной техники и имущества 62-ой ахалкалакской базы начался уже с 1 июня 2005г.

Согласно планам МО РФ, в соответствии с уже достигнутой договоренностью с Арменией, часть военной техники была перебазирована на 102-ю российскую базу в Гюмри [35]. Основная же часть перебрасывается на Северный Кавказ, где в течение ближайших 3-5 лет будут сформированы мотострелковые бригады в приграничных с Грузией и Азербайджаном районах.

¹ Договор от 1994г. так и не был ратифицирован сторонами.

Соответствующее решение о формировании двух отдельных мотострелковых (горных) бригад в населенных пунктах Ботлих (Республика Дагестан) и Зеленчукская (Карачаево-Черкесия) было подписано президентом В.Путиным еще 11 сентября 2004г. Новые военные базы СКВО, по словам С.Иванова, будут качественно отличаться от тех, которые сейчас выводятся из Батуми и Ахалкалаки. Основной задачей горных бригад будет пресечение «террористической деятельности незаконных бандформирований» с сопредельных районов [36]. Обращает внимание огромная сумма финансирования, выделенная на приобретение военной спецтехники и обмундирования для горнострелковых частей – обеспечение каждого военнослужащего спецсредствами обойдется бюджету на сумму около 150 тыс. рублей. Всего на обустройство горных бригад планируется выделить 12,8 млрд рублей [37].

Здесь следует напомнить о более широком контексте российской политики в регионе. Понимая, что экстенсивное наращивание военной мощи в современных условиях становится менее адекватным и эффективным способом защиты национальных интересов, в Москве, скорее всего, пришли к выводу о необходимости «работать на опережение» и концентрации ресурсов там, где успех стратегического «закрепления» наиболее высок. В канву данной линии укладывается и недавнее решение В.Путина о выделении \$2,3 млн на укрепление внешних границ РФ от Монголии до Черного моря, создание новых военных формирований на Северном Кавказе, укрепление стратегического партнерства с Казахстаном и появившаяся несколько лет тому назад информация о том, что в СКВО размещены тактические ядерные ракеты [38].

В 2005г. произошло заметное обострение политических отношений РФ и Грузии в связи с осуществляемыми Россией (начиная с 1992-1994 гг.) операциями по поддержанию мира в двух бывших автономиях Грузии – Абхазии и Южной Осетии. Опять же, как в вопросе ликвидации баз ГРВЗ, напрямую либо опосредованно в данной проблеме присутствуют интересы США, чье предметное вовлечение в региональные процессы за последнее время существенно расширилось. В начале марта 2005г., до того как в Тбилиси официально был поднят вопрос об изменении формата проводимых миротворческих операций в Абхазии и Южной Осетии, верховный главнокомандующий объединенными вооруженными силами НАТО в Европе генерал Джеймс Джонс заявил, что «в дополнение к сохранению наших традиционных линий коммуникаций и доступа, мы ищем доступ к новым объектам и свободе транзита к Черному морю, Кавказу, Ближнему Востоку и Африке для продвижения американских национальных интересов». Более того,

генерал Джонс не преминул сообщить также о возможном новом круге задач американских войск: «базирование всех предназначенных для театра военных действий сил спецназа - воздушных, наземных и морских – к югу от Альп усилит их взаимодействие, подготовку и реагирование на кризисы на Кавказе и в Африке» [39].

В контексте вышесказанного неудивительно, что параллельно решению проблемы о выводе военных баз, Тбилиси на законодательной основе начал активно форсировать вопрос замены российских миротворцев на американские либо натовские контингенты. Обвинив Москву в «вооружении сепаратистских режимов», в сентябре 2005г. грузинское руководство прямо заявило о своем намерении устранить Россию от урегулирования конфликтов, «по традиции» однако заметив, что без участия России подобные вопросы вряд ли удастся решить [40]. В сентябре того же года новый посол США в Грузии Дж.Тафт, среди дипломатических задач которого числится также содействие Грузии в «разрешении давнишних геополитических дилемм Абхазии и Южной Осетии», призвал Грузию и Россию к установлению новой системы отношений, основанных на экономической целесообразности и взаимной безопасности. Одновременно Дж.Тафт указал, что хотя и единственно приемлемым вариантом является мирное урегулирование конфликтов, но «статус-кво не может быть сохранен», выразив при этом согласие США участвовать в миротворческом процессе. Примечательно также адресованное Москве «предложение» американского посла по изменению переговорного формата, поскольку Вашингтон «заинтересован в предоставлении России своей поддержки в решении многих проблем, с которыми она сталкивается во всем Кавказском регионе» [41]. Правда, в то же самое время США заблокировали покупку грузинского магистрального газопровода, за который «Газпром» был готов заплатить \$150 млн. Госсекретарь США К.Райс категорически заявила о недопустимости приобретения «Газпромом» трубопровода, поскольку это отразится на эффективности региональных энергетических проектов [42].

США поддержали также план дипломатических действий по урегулированию югоосетинского конфликта, представленный 27 октября 2005г. премьер-министром Грузии З.Ногаидели на встрече ОБСЕ в Вене. А в начале октября парламент Грузии принял постановление «О ходе миротворческих операций и ситуации в конфликтных зонах Грузии». По словам председателя парламента Грузии Н.Бурджанадзе, «если к 1 июля 2006г. миротворческий процесс в Абхазии не будет позитивно оценен, то уже с 15 июля парламент Грузии потребует приостановления миротворческих операций, денонсации всех ранее заключен-

ных соглашений и ликвидации существующих структур» [43].

Реакция России на столь категоричные демарши Грузии была озвучена С.Ивановым: «Миротворцы находятся в Абхазии и Южной Осетии в рамках соответствующего мандата, который был выдан двумя сторонами – соответственно Абхазией и Грузией, а также Южной Осетией и Грузией. Для того, чтобы миротворцев там не было, нужно соответственно согласие двух сторон как минимум». Что касается грузинских намерений подключить контингенты США к миротворческой операции в Южной Осетии, то российский представитель в СКК (Смешанная контрольная комиссия) предложил при следующей встрече Комиссии учесть их в разделе «Разное». МИД РФ отреагировал на постановление более жестко. В заявлении от 12 октября 2005г. принятие постановления было охарактеризовано как «провокационный шаг», в связи с чем «российская сторона предпримет все необходимые меры, чтобы обеспечить выполнение имеющихся международных договоренностей, не допустить дестабилизации ситуации в регионе, защитить права и интересы проживающих там российских граждан (более 90% населения Абхазии приняли российское подданство – В.А.)»¹.

Тем не менее, в контексте урегулирования того же грузино-абхазского конфликта следует обратить внимание на недавнюю активизацию РФ в региональных коммуникационных проектах и инициативах, которые в определенной степени «завязаны» на энергетическую экспансию российского капитала. В связи с начавшейся реконфигурацией российского военного присутствия в регионе и перебазируванием российской военной техники и имущества из Грузии в Армению актуализировалась необходимость обеспечения надежных коммуникаций с РА. В частности, речь идет о проекте открытия все еще бездействующего абхазского участка железной дороги, которая через территорию Грузии свяжет Россию с Арменией – главным союзником России в регионе. Уже создана многосторонняя рабочая группа, которая должна подготовить проект реализации восстановительных работ ЖД, по предварительным подсчетам требующих порядка \$100 млн. На стадии обсуждения находится вопрос о создании консорциума с участием России, Грузии и Армении, где будут определены стоимость проекта и доли участия в нем трех государств. 11 октября 2005г. министр обороны РА С.Саркисян сообщил, что грузинская сторона согласилась на задействование абхазского участка Транскавказской железной дороги.

В 2005г. армяно-российские отношения в целом характеризовались по-

¹Заявление МИД России «в связи с постановлением парламента Грузии о ситуации в зонах грузино-абхазского и грузино-осетинского конфликтов», 12-10-2005.

зитивной динамикой, с сохранением преемственности основных слагающих стратегического партнерства – углублением двустороннего сотрудничества в сфере региональной безопасности, расширением военно-технических связей, укреплением и формализацией союзнических взаимоотношений в рамках ОДКБ, активным взаимодействием в энергетическом секторе.

В отличие от Грузии, поступательное продвижение российского энергокапитала в Армении продолжается. В июне 2005г. дочерняя компания РАО «ЕЭС России» за \$73 млн приобрела у *Midland Resources Holding* право на управление и получение прибыли «Электрических Сетей Армении». В конце сентября армянское правительство одобрило уже формальный переход компании в доверительное управление (договор заключен на 99 лет) *Interenergo B.V.*, являющейся дочерней структурой «Интер РАО «ЕЭС». С приобретением электрораспределительных сетей российская компания фактически стала доминирующим производителем (80% от общего производства: Севано-Разданский ГЭС, Разданский ТЭС, Армянская АЭС) и распределителем электроэнергии Армении [44]. При этом стратегия РАО направлена на расширение энергоактивов в сопредельных регионах – планируется транзит российской энергии в соседние Иран и Турцию. С этой целью подготавливается и расширяется необходимая инфраструктура, ведутся работы по синхронизации электросистем Армении, Азербайджана и Грузии [45].

Другой российский энергогигант - «Газпром» - также продолжает активно работать в энергосекторе республики. Известно, что запланированное на 1 января 2007г. начало эксплуатации газопровода Иран-Армения может составить реальную конкуренцию другому, ориентированному на европейский рынок проекту – «Голубому потоку» «Газпрома», по которому российский газ поставляется в Турцию и далее в Европу. Именно имея в виду данную перспективу, в феврале 2005г. заместитель председателя правления «Газпрома» Александр Рязанов заявил: «Если мы не примем участия в строительстве газопровода из Ирана в Армению, никто не знает, куда пойдет этот газ» [46]. Армянское руководство со своей стороны, чтобы как-то «сбалансировать» интересы доминирующего поставщика газа в Армению, еще в конце декабря прошлого года предложило «Газпрому» построить и отремонтировать один из участков армяно-иранского газопровода между Каджараном и Араратом стоимостью в \$90 млн. А поскольку ирано-армянским соглашением обусловлено, что на каждый кубический метр экспортного иранского газа Армения должна поставлять иранской стороне 3 кВт/ч электроэнергии, то в качестве «компенсации» «Газпром» и ЗАО «Интер РАО ЕЭС» получили генерирующий агрегат №5 Разданской ТЭС, самой крупной в Армении

теплоэлектростанции, обеспечивающей 20% потребностей страны в электроэнергии [47].

Российско-армянское сотрудничество в области региональной безопасности и военного взаимодействия в 2005г. заметно расширилось. Во-первых, на двусторонней основе были разрешены вопросы, связанные с передислокацией российских военных объектов, техники и военного персонала на 102-ю военную базу РФ в Гюмри, также как и распределение квот на вооружение в соответствии с фланговыми «потолками» адаптированного ДОВСЕ. Согласно последней информации международного института стратегических исследований, в составе российского военного контингента в РА числятся 74 танка, 238 бронемашин, 84 артиллерийские системы и 18 истребителей МиГ-29, при численности военного персонала 3500 человек [48]. Во-вторых, в русле совершенствования оперативной совместимости войск ОДКБ и большей формализации взаимоотношений в оборонной сфере усилилась связка Армении с коллективной системой безопасности Организации ДКБ. ВС РА приняли активное участие в ряде военных учений ОДКБ, а 10-13 сентября 2005г., недалеко от армяно-турецкой границы, прошли очередные армяно-российские тактические военные учения. Каждая из сторон для участия в учениях выделила по одному мотострелковому полку, артиллерийские и танковые роты, общей численностью 1300 военнослужащих [49]. В конце августа, в заключительной фазе учений «Боевое содружество-2005», была апробирована модель региональной группировки войск ПВО в рамках Объединенной системы (ОС) ПВО СНГ. За год до учений, в 2004г., главами государств Организации, в соответствии с «Основными направлениями коалиционного военного строительства ОДКБ до 2010 года и дальнейшую перспективу», было принято решение о создании единой системы ПВО ОДКБ. Территория Армении включена в зону ответственности кавказской региональной группировки ПВО, с центром в Ростове-на-Дону [50].

Наконец в-третьих, Армения как страна-участница ОДКБ использует свое право на приобретение российской военной техники и оборудования по льготным, внутрироссийским ценам. Учитывая растущие потребности армий СНГ в перевооружении (по расчетам российских экспертов в среднесрочной перспективе перевооружение потребует порядка \$150 млн [51]), сотрудничество в военно-технической сфере может стать немаловажным стимулом для углубления стратегического партнерства.

Политические отношения России и Армении, хотя и отличались в 2005г. позитивной динамикой, тем не менее влияние трансформационных процессов, проистекающих ныне во всем кавказском регионе, в определен-

ной степени отразилось и на двусторонних отношениях. «Результатирующей производной» усиления геополитического соперничества в регионе стала фактическая кристаллизация, в какой-то степени конкретизация проблемных узлов во взаимоотношениях между всеми государствами региона, включая РФ. В этом отношении можно утверждать, что активизация вовлеченности США (отчасти также и Евросоюза в политико-гуманитарной и экономических областях), провозгласивших Южный Кавказ сферой приложения своих стратегических интересов, в значительной степени способствует большей «регламентации» отношений РФ со странами региона. Подобная логика перекликается и в целом соответствует неновой англо-саксонской стратегеме определения лимитов российского влияния на постсоветском пространстве.

С точки зрения данной перспективы, можно заметить очевидную тенденцию отхода от политико-риторического постулирования комплиментарной политики к более функциональной диверсификации международных связей Армении с западным сообществом. Исходя из складывающейся в регионе ситуации, в 2005г. было заметно активировано сотрудничество Армения-НАТО в рамках «Индивидуального плана сотрудничества». Очевидно, понимая опасность оказаться неподготовленным в случае начала возможных «необратимых» процессов в регионе, армянское руководство всячески акцентирует прагматичность расширения сотрудничества с НАТО. Так, во время своего октябрьского визита в Брюссель (штаб-квартира НАТО) президент Армении Р.Кочарян заявил, что Армения берет на себя ровно столько обязанностей, сколько сможет реализовать. При этом было подчеркнуто, что отношения с НАТО не представляют опасности для союзников РА, а «терять духовную близость с Россией было бы крайне опрочетливо» [52]. В октябре 2005г. министр обороны РА С.Саркисян в краткой форме выразил суть и главные направления внешней и оборонной политики страны: «гарантией обеспечения безопасности Армении являются как армяно-российский военный союз на двухсторонней основе и в рамках ОДКБ, так и развитие сотрудничества со структурами НАТО и с США. Путем сотрудничества с НАТО Армения осуществляет оборонные реформы в рамках Процесса планирования и пересмотра и Плана действий индивидуального партнерства. Стратегия реформ в рамках ОДКБ направлена на создание единых и эффективных систем ликвидации угроз безопасности» [53].

В российско-азербайджанских отношениях в 2005г. преобладала относительная статичность. Выбрав еще в начале 1990-ых гг. турецкую модель развития и официально провозгласив принцип «две страны – одна нация» в качестве своего внешнеполитического «кредо», власти Баку начали активно дистан-

цироваться от России. В 1990-ые гг. отношения между РФ и Азербайджаном носили явно противоречивый характер, что было связано с азербайджанской политикой «по замещению российских интересов в Азербайджане нефтяными и геостратегическими интересами США, других западных стран и Турции». А в 1999г., отказавшись продлить и без того формальное участие в ДКБ СНГ, Азербайджан подтвердил свое намерение «формировать свою систему нацбезопасности, базирующуюся на западных гарантиях безопасности» [54].

С приходом к власти администрации В.Путина тональность в отношениях двух стран изменилась. В контексте принятых прагматичных подходов в Москве решили перевести отношения с Азербайджаном в плоскость более предметного «рабочего взаимодействия» в сферах, представляющих конкретный интерес для обеих сторон. В частности, в 2001-2002 гг. были подписаны соответствующие соглашения о разграничении российского и азербайджанского секторов в Каспийском море по принципу серединной линии. Что касается спорных месторождений, то было принято решение об их разработке и использованию на равных долях. Россия со своей стороны перестала официально либо скрыто противодействовать реализации спонсируемого англо-американским конгломератом нефтепровода Баку-Тбилиси-Джейхан.

В связи с началом второй чеченской компании активизировалось также взаимодействие по антитеррористической линии. Российские власти не раз, наряду с Грузией, упоминали территорию Азербайджана, откуда на Северный Кавказ проходили банды боевиков. После серии встреч в Баку все же согласились закрыть чеченские информационные центры и иные «представительства Ичкерии». В 2001г. на двусторонней основе был урегулирован также вопрос о статусе Габалинской радиолокационной станции, которая получила статус военной базы РФ (в начале 2002г. переименована в информационно-аналитический центр «Дарьял»).

В отличие от Армении и Грузии, присутствие российского энергокапитала в Азербайджане не столь велико, хотя эта республика представляет некоторый интерес в планах дальнейшей энергоэкспансии РАО «ЕЭС России». В результате визитов председателя правления РАО А.Чубайса в Баку были обсуждены планы транзита электроэнергии в Иран.

Однако факт в том, что Азербайджан является членом ГУАМ и активным участником американских планов, фигурирующим в качестве ключевого «опорного пункта» в антитеррористической борьбе США. Под натовские стандарты уже модернизированы взлетно-посадочные полосы 3 азербайджанских авиабаз (Кюрдамир, Насосный и Гала), способных принимать самолеты всех типов [55]. В октябре 2005г., согласно принятой в январе 2004г. договорен-

ности, США разместили на территории Азербайджана две передвижные радиолокационные станции (РЛС) типа *TRML-3D* с радиусом действия 200–300 км. Одна из них была установлена в Астаре, на границе с Ираном, вторая – в районе Хызы, на южном склоне Большого Кавказского хребта, с возможностью отслеживания ситуации на российском Северном Кавказе [56].

***

Произошедшие в 2005г. трансформации российской политики в кавказском регионе, непосредственно отразившиеся на отношениях РФ с закавказскими государствами, во многом отразили контекст геополитического и геоэкономического соперничества в регионе. Но непреложным остается факт, что РФ по-прежнему рассматривает южные государства СНГ как зону своих жизненно важных интересов. Об этом свидетельствует целенаправленное укрепление военных баз и объектов РФ в Центральной Азии и Закавказье. Скорее всего, перегруппировка российских войск на Южном Кавказе ознаменует переход России к более жесткой схеме взаимоотношений с закавказскими республиками. Недавнее решение Москвы перейти к европейским ценам на поставляемые в республики СНГ энергоносители – дополнительный аргумент в пользу подобного решения. Одновременно, достаточно серьезные кремлевские источники сообщили, что отныне Россия не будет стремиться строить отношения со странами СНГ на уровне официального диалога – будет активизирована работа с оппозиционными и не находящимися у власти политическими кругами.

Вместе с тем, учитывая последние решения об укреплении границ СКВО, Россия очевидно стремится сконцентрировать совокупный силовой ресурс в ключевых с точки зрения национальной безопасности географических зонах. Об этом косвенно свидетельствует факт постоянного снижения численности российских войск в дальнем зарубежье и перекидка ресурсов на развитие и модернизацию системы безопасности РФ и ОДКБ [57]. В долгосрочной перспективе обладание надежными силовыми плацдармами может иметь существенное значение.

Январь, 2006г.

Источники и литература

1. Концепция внешней политики РФ (1993г.), Военная доктрина РФ (1993г.).
2. *Шишков Ю.*, Россия и СНГ: неудавшийся брак по расчету, Pro et Contra, зима-весна 2001, с. 92.
3. Численность сил по поддержанию мира СНГ в зоне грузино-абхазского конфликта и в Южной Осетии – 1600 и 530 военнослужащих соответственно. Military Balance 2002-2003, IISS, L., 2003, p. 94.
4. *Наумкин В.*, Россия и Закавказье, Кавказские Региональные Исследования, т. 3, N1, 1997, [эл. версия].
5. Новая политика России на постсоветском пространстве, Совет по национальной стратегии, М., 2005, www.strategie.ru.
6. *Ушунджян Е.*, Անդրկովկասյան խնդիրները աշխարհաքաղաքական հարաբերությունների կիզակետում, ՌԱՀՀԿ, Հայացք Երևանից, 1997, N3, էջ 31-41 // [*Садоян Б.*, Закавказские проблемы в зените геополитических отношений, АЦСНИ, Взгляд из Еревана, 1997, N3, с. 31-41]:
7. *В. Де Китспоттер*, Большая игра в Центральной Азии, Ядерный Контроль, N1, 2005, с. 85.
8. *Фененко А.*, Американский фактор и кризис трансевразийского пространства, Центральная Азия и Кавказ, N3(27), 2003, с. 19-26.
9. *Трофимов Д.*, Россия и США в Центральной Азии: проблемы, перспективы, интересы, Центральная Азия и Кавказ, N1(25), 2003, с. 85.
10. *Vobo Lo*, Vladimir Putin and the Evolution of Russian Foreign Policy, The Royal Institute of International Affairs (UK, London), Blackwell Publishing 2003, pp. 65-71.
11. Военная доктрина Российской Федерации (полный текст), Указ Президента РФ N706, 21.04.2000г., www.mil.ru/articles/article3929.shtml.
12. *Афиногенов Д., Есин В.*, В плену устаревших стереотипов, Независимое военное обозрение, 26.04.2002.
13. *Dr. Main S.J., Sherr J., Dr. Smith M.A.*, The Pattern of Russian Policy in the Caucasus & Central Asia, Conflict Studies Research Centre, UK, Occasional Brief N101, December 2003, p. 3.
14. Russia takes Armenian atom plant in debt swap, Reuters, 19.02.2003.
15. У США вызывает опасения приход «Газпрома» в Грузию, CNA 29.05.2003, *Tsereteli M.*, Russian Energy Expansion in the Caucasus: Risks and Mitigation Strategy, Central Asia-Caucasus Analyst, 27.08.2003, *Симолян Ю.*, Грузия переходит на московское время, Независимая газета, 09.06.2004.
16. *Грдзелян Р.*, Либеральная империя: Россия меняет тактику борьбы за влияние в Закавказье, АрмИнфо, 16.09.2005.
17. Russia to keep base in Armenia, Jane's Defence Weekly, 22 March, 2000, p. 11.
18. ИТАР-ТАСС, 01.10.2002.
19. Armenia, Russia agree to create joint military contingent, RFE/RL Newslines, 17.04.2001.

20. Russia strengthens its military presence in Armenia, PanArmenian News, 13.12.2002.
21. Верить и созидать, Красная звезда, 27.05.2004.
22. www.dkb.gov.ru
23. *Dr. Smith M.A.*, Russian Foreign Policy: A Chronology April-June 2005, CSRC, UK, 2005, p. 71.
24. *Блинов А.*, ШОС-антиНАТО, Независимая газета, 27.10.2005.
25. Рубежи безопасности, Российское Военное Обозрение, N6(18), 1 июня, 2005, [эл. версия].
26. *Тихонов А., Коваль В.*, И выходили в поля «Тополя», Красная звезда, 07.10.2005.
27. *Кузнецов А.*, Россия и Америка на руинах империи, 21.09.2005, www.lenta.ru.
28. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации, 25 апреля, 2005, http://www.kremlin.ru/appears/2005/04/25/1223_type63372type82634_87049.shtml.
29. *Socor V.*, From CIS to CSTO: Can a «Core» be preserved? Eurasia Daily Monitor, Jamestown Foundation, Volume 2, Issue 125 (June 28, 2005).
30. *Roger McDermott*, Putin Seeks Stronger Role for Collective Security Forces, Eurasia Daily Monitor, Volume 2, Issue 125 (June 28, 2005).
31. *Հախըրյան Թ.*, Հայաստանից ռուսական սահմանափակի դուրս բերման հարցում Երևանը կարող է ակնկալել ՆԱՏՕ-ի աջակցությունը, ԱԶԳ, 29.10.2005:
32. *Аглян В.*, Договор об обычных вооруженных силах в Европе: позиции России и Запада в отношении фланговых ограничений, Южный Кавказ: проблемы безопасности и интеграции, РАУ Центр, Ер., 2004, с. 39-58.
33. *Тихонов А.*, Взаимоприемлемые решения найти можно, Красная звезда, 23.01.2001.
34. *Freese T.*, Russia's Troop Withdrawal from Georgia: the Start of a New Friendship? Eurasia Insight, 08.10.2005; «Уходим», Известия, 26.04.2005.
35. *Matirosyan S., Mir A., Ismail*, Armenia and Azerbaijan Differ over Russian Base Pull-out, Eurasia Insight, 28.06.2005.
36. *Худолеев В.*, Всерьез и надолго, Красная звезда, 01.11.2005; *Torbakov I.*, Russia Seeks to Reassert Its Status as a Key Power in the Caucasus, Eurasia Daily Monitor, Volume 2, Issue 113 (June 10, 2005).
37. *Гафутулин Н.*, Горный спецназ, Красная звезда, 29.10.2005.
38. *Տեր-Հարությունյան Գ.*, Ռուսաստան. հիմնախնդիրներ և հեռանկարներ, Հանրապետական, ր. 9(29), 2005, էջ 16:
39. Главком НАТО в Европе: Кавказ стратегически важен для США, 02.03.2005, www.strana.ru.
40. *Гордиенко А.*, Тбилиси делает ставку на американцев, Независимая газета, 30.09.2005.
41. *Simakovsky M.D.*, US Diplomacy Strives to Keep South Ossetia Conflict in Check, Eurasia Insight, 30.09.2005.
42. В сентябре 2005г. в рамках программы «Вызов тысячелетия» США выделили Грузии \$295 млн, из которых \$44 млн предполагается потратить на реабилитацию главной газовой артерии республики. *Симонян Ю.*, Саакашвили премиро-

- вали за послушание, Независимая газета, 15.09.2005.
43. *Симонян Ю., Гордиенко А.*, Миротворцам определили сроки, Независимая газета, 4.10.2005; *Симонян Ю.*, Предпочли конфронтацию, Независимая газета, 17.10.2005.
  44. *Danielyan E.*, Russia Tightens Grip on Armenian Energy Sector, Eurasia Insight: Business and Economics, 28.09.2005; ПАО ЕЭС будет управлять электросетями Армении в течение 99 лет, 25.07.2005, www.lenta.ru.
  45. *Грдзелян Р.*, Либеральная империя: Россия меняет тактику борьбы за влияние в Закавказье, АрмИнфо, 16.09.2005.
  46. *Мартirosян С.*, Армяно-российские отношения вступают в период неопределенности, 28.02.2005, www.ekavkaz.org.
  47. Газопровод Иран-Армения: кто в выигрыше? ИА Регнум, 17.03.2005; *Martirosyan S.*, Pipeline Perks For Russia in Armenia-Iran Energy Deal, Eurasia Insight: Business and Economics, 21.12.2004.
  48. *Socor V.*, Moscow Signals It May Redeploy Some Forces from Georgia to Armenia, Eurasia Daily Monitor, Volume 2, Issue 101 (May 24, 2005).
  49. Характерно, что российская сторона сакцентировала внимание на организационном аспекте учений как военного мероприятия ОДКБ, *Socor V.*, Russian-Armenian Military Exercise Anachronistic, Eurasia Daily Monitor, Volume 2, Issue 172 (September 16, 2005).
  50. *Венцеловский А., Устинов Е., Северинов С.*, ПВО: контуры будущего, Красная звезда, 31.08.2005.
  51. Итоги деятельности СНГ за 10 лет и задачи на перспективу: аналитический доклад, Дипломатический вестник, декабрь, 2001г.
  52. Кочарян: Россия - ключевой партнер Армении, ИА Регнум, 25.10.2005, Հայկոստանի Հանրապետության Պաշտպանության նախարարի կողմից ՄԱԾ-ի գլխավոր քարտուղարի և Եվրահանձնաժողովի նախագահի հետ, Ազգ, 22.10.2005.
  53. Серж Саркисян: Военно-политическая обстановка на Южном Кавказе: региональные угрозы, ИА Регнум, 7.10.2005.
  54. *Ivanov Yu.*, Russia's National Security Problems in Transcaucasia and the Era of Globalization, Military Thought, 2005, Vol. 14 Issue 1, pp. 44-46.
  55. *Лященко А.*, Нас обложили базами, Красная звезда, 15.11.2005.
  56. *Мамедов С.*, В Азербайджане заработали американские системы слежения, Независимая газета, 10.10.2005.
  57. *Мухин В.*, Сила как инструмент внешнеполитического влияния, Независимое военное обозрение, 7.10. 2005.

**RUSSIAN FEDERATION AND SOUTH CAUCASUS:
STRUCTURAL CORRELATION AND THE PERSPECTIVES
OF DEVELOPING RELATIONS**

Vahagn Aglyan

Resume

Parameters of the modern Russian policies toward the South Caucasian region are formed within the framework of the three co-related dimensions. First of all, Kremlin's strategy toward the South Caucasian countries, as well as the on-going strategic regional processes that are of paramount importance for Moscow, are conditioned by the realities of initial stage of the post-Soviet transformation. Second, in the context of gradual inclusion of South Caucasian countries into international-political and economical processes as well as expansion of the significant presence of non-regional power centers in this part of Post-Soviet area, Russian leadership has to do its utmost to take practically into account international and in-regional conjuncture of interests in formulating and realizing their own aims. Third, current domestic political and economic consolidation within Russia itself, the former priorities of RF regional policy have been considerably revisited. Particularly, economic rise and consolidation of power «vertical» has substantially affected the country's foreign policy basis, yet not losing successive strategic priorities that have been worked out previously.